

Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ

Пушкин с нами

День русской культуры — день Пушкина. Что он для нас? Великий писатель? Нет, больше: одно из величайших явлений русского духа¹. И еще больше: непреложное свидетельство о бытии России. Если он есть, есть и она. И сколько бы ни уверяли, что ее уже нет, потому что самое имя России стерто с лица земли, нам стоит только вспомнить Пушкина, чтобы убедиться, что Россия была, есть и будет.

Так для нас, но не так для иностранцев. Никто из них не сомневается в том, что русская литература всемирна, и никто не знает Пушкина, не верит, что он для России то же, что Гете для Германии, Данте для Италии, Гомер для Греции. Как сильно действуют на иностранцев обе половины расколовшегося русского духа, Л. Толстой и Достоевский, а целое, Пушкин, не действует вовсе. И мы предчувствуем, что сколько бы ни объясняли, ни открывали его иностранцам, он все-таки останется для них закрытым, запечатанным семью печатями. Тут его и наша немота, вечная, или до какого-то срока. Это солнце России для мира еще не взошло.

Отчего? Не оттого ли, что Пушкин слишком поэт — «певец», а в песне все зависит от поющего голоса, в стихах — от лада и звука речи, от музыки слов. Совершенный стих непереволим, неповторяем на чужом языке, и чем совершенней, тем неповторяемей, а пушкинский стих — предел совершенства; тут между словом и смыслом такая же связь, как между телом и духом; вынуть дух из одного тела и заключить в другое нельзя: так сказанного на одном языке нельзя сказать на другом.

Да, «непонятность» Пушкина происходит от этого, но не только от этого. Ведь и проза его, которая для нас не меньше стихов, тоже непонятна иностранцам. И почему Гомер, Данте, Гете, хотя в такой же степени «певцы», как Пушкин, а всеми открыты, всемирны?

Нет, «непонятность» не только в языке, в поэтическом теле, но и в духе, в существе его, — его и нашем, потому что он — мы, в нашем вечном и высшем пределе. Как же в День русской культуры, день Пушкина не подумать о том, почему именно это величайшее слово России не услышано миром?

Как будто предвидя этот вопрос, Достоевский, в своей речи о Пушкине, называет его «всечеловеком» и показывает, как в душе его, душе России, соединяются души всех веков и народов. Но это опять-таки убедительно только для нас, своих, а чужие могли бы ответить Достоевскому: «Ты говоришь нам о том, что Пушкин взял у нас; но скажи и о том, что он нам дал».

Тут заколдованный круг: русская всемирность — в Пушкине; но Пушкин закрыт для мира:

Чистый ключ из-под горы
Не бежит запечатленный...²

Кто же его распечатает? «Черт догадал меня родиться в России с душой и с талантом!»³ Это, конечно, шутка. Но ведь и крик боли. До чего ему надо было дойти, чтобы так закричать! Это почти невообразимо для нас, но несомненно: была такая страшная минута в жизни Пушкина, когда он вдруг понял: остаться в России — погибнуть, бежать — спастись⁴.

Не спасся — погиб. Ну, конечно, не совсем. Многое сделал, но не все. Умер, не сделав, может быть, главного, не открыв себя миру, не распечатав «ключа запечатленного»; сделался величайшим русским поэтом, но не всемирным; так и не сказал, что Россия даст миру.

Адриатические волны,
О, Брента! нет, увижу вас...⁵

Мы этих волн нагладелись так, что кажется, если бы среди нас был Пушкин, он закричал бы: «Черт меня догадал умирать на чужбине с душой и с талантом!» Странная судьба его и наша: он умирал от тоски по Европе; мы умираем от тоски по России. Две тоски встречных, два встречных движенья: от него к нам, и от нас к нему. Наша разлука с ним — гибель, может быть, не только наша, но и России; наша встреча — спасенье.

Пушкин продолжает дело Петра. Оба они знают или пророчески угадывают, что назначение России — соединить Европу и Азию, Восток и Запад в грядущей всемирности. Вот что Пушкин мог дать миру; пусть не дал, не кончил — «умер, как бог среди начатого мирозданья»⁶; в этом горе наше, но надежда: начатое так не может остаться неоконченным. Пушкин, так же как Петр, — не дар, а залог, не исполненье, а обещанье русской все-

мирности. Но не солжет Пушкин — воплощенная правда России: что обещал — исполнит.

Никогда еще русский народ, — не Россия, а русский народ, т. е. преходящий во времени род, поколение, дробь вечного целого вечной России, — никогда еще русский народ не изменял так, как сейчас, делу Петра и Пушкина; так не противопоставлял русского Востока всемирному Западу; так не уходил от европейского света в азиатскую тьму. Это не его вина? Нет, и его. Горе народам, о которых говорят: «С них нечего спрашивать!».

Вот почему сейчас так, как еще никогда, нужен Пушкин обеим Россиям. Что их две — одна здесь, в изгнание, другая там, в плену, — это очень страшно; этого не бывало никогда ни с одним народом; но надо смотреть правде в глаза: это сейчас так; на две половины расторгнута Россия, и мы только верим, что обе половины соединятся. Непреложное свидетельство единой России — Пушкин. Он — примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду.

Мы смутно чувствуем и все забываем, а должны ясно понять и твердо помнить, что подвиг нашего изгнания *может быть* так же свят, как подвиг тех, кто остался в плену. Мы и они любим ту же Россию, ту же Свободу, потому что для них и для нас одинаково Россия значит Свобода; мы и они для Нее живем и за Нее умираем.

Пушкин недаром сказал:

...в мой жестокий век восславил я свободу.

С ним освободятся наши братья в плену, и мы, изгнанники, вернемся с ним в его Россию.

Всем врагам Свободы — России Пушкин грозное знаменье: *Сим победишь*. Он — огненный столп, ведущий нас в пустыне изгнания на Родину.

Вот почему такая радость для нас, что Пушкин с нами.

